

ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ОБРЯДОВ И ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА. СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Картографический метод возник в этнографии и фольклористике, так же как в диалектологии и археологии, почти одновременно — в конце XIX—начале XX в. (Ф. Ратцель, В. Песслер и их последователи, А. Ван-Ганнеп, так называемая финская школа и т. д.). В России подобные проблемы обсуждались и начали разрабатываться в предреволюционные годы. В этой связи следует упомянуть труды Московской диалектологической комиссии под председательством Д. Н. Ушакова, увенчавшиеся в 1915 г. изданием «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии», и подготовительные работы Комиссии по составлению этнографических карт России при Отделении этнографии Русского географического общества, возникшей в 1910 г. под председательством академика С. Ф. Ольденбурга. Картографическая комиссия действовала в первые годы своего существования весьма энергично. Были образованы отделы: по языку, антропологии, жилищицу и постройкам, хозяйственному быту, одежде и украшениям, музыке, народному искусству и верованиям.¹

Не имея в виду останавливаться далее на истории этой комиссии, напомним, что известная библиография Д. К. Зеленина была составлена по поручению Картографической комиссии и входила в систему ее подготовительных работ.²

Небезынтересно также отметить, что упоминавшаяся выше диалектологическая карта была издана на средства РГО и рассматривалась Комиссией по составлению этнографических карт России как второй выпуск ее трудов, хотя первоначально была задумана как вполне самостоятельная работа. Это свидетельствует о теснейшей связи лингвистики (диалектологии) и этнографии, которая существовала и в этой специальной области.

¹ См.: Д. А. Золотарев. Обзор деятельности постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при ИРГО. — «Живая старина», 1916, в. 1, с. XI—XXIV. — Специальная комиссия по орнаменту народов России при Отделении этнографии обсуждала вопрос о составлении «этнографической карты российских орнаментов» (там же, с. IX); см. также: D. Z e l e n i n. Die russische (ostslavische) Volkskundliche Forschung in den Jahren 1914—1924. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1924, Bd. 1, № 1—2.

² Библиографический указатель этнографической литературы о внешнем быте народов России, в. 1. СПб., 1913. — На титульном листе значилось: «Труды Комиссии по составлению этнографических карт России, т. I». В заметке «От составителя» говорилось: «Настоящий библиографический указатель предназначается для пользования состоящей при ИРГО Комиссии по составлению этнографических карт России. Этим обстоятельством объясняется как содержание указателя, так и его план» (с. XXXIII). Отметим кстати, что в библиографии собраны и во всех разделах выделены все скопившиеся к тому времени общие и специфические карты, имеющие интерес для этнографии (около 20 тем по указателю).

После начавшейся уже работы по составлению этнографических карт (мы имеем в виду при этом картографирование элементов или комплексов традиционной народной бытовой культуры) наступил длительный перерыв. Почему он образовался?

Не претендуя на исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, назовем некоторые причины теоретического и практического характера, которые обусловили его.

Во-первых, акцент был перенесен на этнические карты, которые в первые послереволюционные десятилетия были весьма актуальны и практически необходимы. Образование нового административного устройства, отвечавшего реальной этнической ситуации, требовало точных сведений об этническом составе и размещении населения (см. работы КИПС — Комиссии по изучению племенного состава России и др.).³

Во-вторых, представители антропологографической школы (Ф. Ратцель и др.), так же как и последователи В. Песслера и А. Ваг-Геннена, противопоставляли «географический метод» историческому. Это вызвало в советской этнографии (так же как и в других общественных науках) резко отрицательное отношение к так называемому географическому детерминизму и способствовало охлаждению интереса к географическим проблемам изучения народной культуры.

В-третьих, в зарубежной, особенно французской, диалектологии (школа Ж. Жильерона) оказалось весьма авторитетным направление, которое в результате применения картографического метода пришло к отрицанию исторической реальности «диалекта» и этнокультурной общности его носителей.

В глубоком кризисе очутилось и, казалось бы, прямо противоположное направление, так называемое *Stammeskunde*, стремившееся свести всю сложность процесса формирования этнических подразделений немецкого народа и особенностей их языка и культуры к изначальным особенностям древнегерманских племен и в конечном счете пришедшее к активному сотрудничеству с фашизмом.⁴

В-четвертых, определенное негативное влияние оказала и так называемая финская школа, утверждавшая свой «историко-географический» или, точнее, квазиисторико-географический метод, не получивший популярности в Советском Союзе. Картографирование, особенно картографирование распространения сюжетов сказок, осуществляется «финской школой» в надежде выяснить, где тот или иной сюжет сложился впервые, и в конечном счете восстановить утраченный в процессе бытования (в том числе и пространственного распространения) «пратекст».

---

³ См.: Т. Станюкович и К. Чистов. 50-річчя СРСР та російська етнографія. — Народна творчість та етнографія, 1972, № 6.

⁴ См.: W. E m m e r i c h. Germanische Volkstumsideologie. Genese und Kritik der Volksforschung im Dritten Reich. Tübingen, 1968.

В настоящее время отношение к картографическим методам исследования изменилось. Проблемы географической (пространственной) дифференциации культуры стали восприниматься как органическая составная часть более широкого круга исторических проблем. Сложность взаимоотношения ареалов отдельных элементов культуры (или в диалектологии — отдельных явлений языка) не приводит больше ни к теоретическому релятивизму (т. е. отрицанию существования каких-либо устойчивых общностей вообще), ни к искусственному стремлению возвести их к доисторическим различиям племен. Сейчас ни у кого не возникает сомнения в том, что каждый выделенный картографическим методом ареал складывался в ходе истории и различия могли накапливаться либо размываться на каждом этапе развития этноса. Все это способствовало не только развитию картографических методов, но и расширению круга генетических, исторических и типологических проблем, которые с ними связываются. Послевоенные годы ознаменовались большими успехами лингвистической географии (диалектология восточных славян, германистика, романистика)⁵ и значительным развитием этнографического картографирования как в Советском Союзе, так и во многих европейских странах. Современное этнографическое картографирование связано со стремлением превратить карту из иллюстрации к географическим сведениям, которые сообщаются в тексте, в метод исследования или, точнее, в эвристический метод, т. е. способ выявления таких фактов и отношений, которые иначе не могут быть установлены и в известной мере изучены другими методами. Целью картографирования при этом считается не только выявление или уточнение ареалов отдельных элементов или комплексов традиционной культуры по возможности в их исторической динамике, но и их последующее историко-этнографическое объяснение или по крайней мере осмысление их в свете этнической истории изучаемого народа или региона.

Картографирование производится на основе максимального учета опубликованного и неопубликованного архивного, музейного и полевого материала и является одновременно своеобразным способом обобщения его, подведения итогов изучения, сопровождается выработкой исторической типологии явлений народной культуры и т. д.⁶

⁵ В. М. Жирмунский. О некоторых проблемах лингвистической географии. — ВЯ, 1954, № 4, с. 3—25; Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962; М. А. Бородин. Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка). М.—Л., 1966.

⁶ См.: П. И. Кушнер. О русском историко-этнографическом атласе. — КСИЭ, в. XXII, 1955; Г. С. Маслова. Опыт составления карт распространения русской народной одежды. — Там же; О. А. Ганцкая, Г. С. Маслова, Д. В. Найдич. Русский историко-этнографический атлас. — Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов, М., 1960; С. И. Брук, В. И. Козлов.

В отличие от других разделов этнографии в советской фольклористике картографический метод прививается крайне медленно.⁷ Несмотря на неоднократные и давние призывы к его разработке отдельные и подчас успешные опыты картографирования (В. И. Чичеров — колядки,⁸ В. М. Потявин — современные песни,⁹ В. В. Пименов — предания о чуде,¹⁰ В. М. Витов и С. И. Дмитриева — былины),¹¹ можно без малейшего преувеличения констатировать, что методика картографирования не вошла еще в научный обиход советской фольклористики. Между тем картографический метод мог бы обогатить фольклористику в неменьшей

Основные проблемы этнической картографии. — СЭ, 1961, № 5; М. Г. Рабинович. Историко-этнографический атлас «Русские» (принципы и методы составления). — В сб.: История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963; М. В. Витов. Некоторые вопросы этнологоического картографирования. — В кн.: Проблемы лингво- и этногеографии. М., 1964.

⁷ В. М. Жирмунский. 1) Проблема немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением. — Этнография, т. II, кн. III, 1927, № 1, с. 139—150; 2) Методика социальной географии. (Диалектология и фольклор в свете географического исследования). — Язык и литература, 1932, вып. VIII, с. 83—119; 3) О некоторых проблемах лингвистической географии. — ВЯ, 1954, № 4, с. 3—25; 4) Что может дать картографирование для выяснения вопроса о возникновении, истории и современном бытовании произведений народного творчества? — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 278—281 (см. там же ответы П. Г. Богатырева и Ц. Вранской); П. Г. Богатырев. 1) Синхронный метод и этническая география. — В кн.: Второй съезд славянских географов и этнографов в Польше. Варшава, 1927; 2) К вопросу об этнологоической географии. — Slavia, ročn. VII, Praha, 1928—1929, с. 600—611; А. М. Смирнов-Кутачевский. О фольклорной карте. — Художественный фольклор, в. IV—V. М., 1929, с. 218—219; Н. П. Гриčkova. Этнография и диалектология. Труды II Всесоюзного географического съезда, т. III, М., 1949, с. 300—314; В. Потявиц, А. Аграев. Применение вычислительной техники в некоторых вопросах фольклористики (картографирование). — В кн.: Межвузовская конференция по прикладной лингвистике. Черновцы, 1959; В. М. Потявин. Каковы современные задачи и принципы картографирования фольклора в славянских странах? — Русский фольклор, т. VIII, М.—Л., 1963, с. 395—396 и др. — Кроме того, см. один из интересных опытов картографирования сюжетов, известных в русском фольклоре: W. Anderson. Der Schwank vom alten Hildebrand. Eine vergleichende Studium. Dorpat, 1931.

⁸ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. Очерки по истории народных верований. М., 1957, гл. «Новогодние песни-зажатыя урожая и благополучия семьи (русские колядки и их типы)», с. 115—165.

⁹ Доклад на эту тему прочитан В. М. Потявиным на отчетно-экспедиционной сессии ОИИ АН СССР в 1962 г.

¹⁰ В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965, гл. «Предания о чуде», с. 117—170.

¹¹ Особенно следует отметить интереснейший опыт сопоставительного картографирования антропологических, диалектных и фольклорных данных, осуществленный М. В. Витовым в процессе изучения этнической истории русского Севера; см.: М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации русского Севера. — История СССР, 1964, № 6; см. также: С. И. Дмитриев. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX—начала XX в.). — СЭ, 1969, № 4.

степени, чем диалектологию, этнографию и археологию. Он мог бы стать одним из методов исторического исследования наряду с историко-сравнительным, историко-типологическим, структурным и др. Последнее надо подчеркнуть особенно энергично. Разумеется, картографирование должно развиваться не за счет других методов, а в теснейшем взаимодействии с ними.

Не только внутренние потребности фольклористики побудили нас обратиться к рассматриваемой проблеме. Развитие этнографического картографирования, в частности завершение работы над опубликованным томом историко-этнографического атласа «Русские» (ИЭАР, 1967; ИЭАР, 1970),¹² ставит на очередь подготовку выпусков атласа, посвященных духовной культуре. Особенно перспективным представляется картографирование традиционных бытовых обрядов, при изучении которых интересы фольклористов и этнографов переплетаются особенно явственно.

Опыт показал, что картографирование элементов материальной культуры дает весьма интересные результаты, очень важные как для изучения исторической динамики отдельных форм (например, в вышедшем томе историко-этнографического атласа «Русские» — форм крестьянского жилища, сельскохозяйственных орудий и построек, женской одежды и украшений и т. д.), географического распространения отдельных типов и комплексов и их соотношения, так и для выработки общих представлений о миграции населения, передвижениях его отдельных групп и их взаимодействии в процессе выработки общенациональных форм, степени их локальной вариативности и т. д. Вместе с тем несомненно и то, что в целом развитие материальной культуры более непосредственно и жестко детерминируется социально-экономическими и географическими условиями, уровнем и характером развития производительных сил и производственных отношений, чем подавляющее большинство элементов и комплексов культуры духовной. Поэтому теоретически можно ожидать, что картографирование элементов традиционной духовной культуры даст не менее, а вероятно, и еще более интересные результаты.

Так, например, варьирование форм русских сельскохозяйственных орудий находится, как показало картографирование, в зависимости от уровня развития техники и системы земледелия, характера почв и климата, набора основных возделываемых культур и т. д., варьирование форм народного жилища — от типов хозяйства, наличия строительного материала, климата и т. д., т. е. от факторов социально-экономических и естественно-географических. Разумеется, этническая традиция играет в этом варьировании определенную роль — то большую, то мень-

---

¹² Оба выпуска составляют первый том задуманного многотомного атласа, который должен охватить различные стороны традиционной материальной и духовной культуры русских в различных районах страны (европейская часть СССР, Сибирь, Средняя Азия, Кавказ и т. д.).

шую,¹³ но свобода «выбора» форм здесь несравненно уже, чем в сфере духовной культуры, включая и те ее элементы, которые тесно связаны с явлениями материальной культуры (декор жилища, украшения на одежде, резьба на прялках и т. п.).

Известно, что этническая история восточных славян — русских, украинцев, белорусов — была сложна, а территория их расселения обширна. Перегруппировка племен в древности, ассимиляция балтских, финноугорских, тюркских и иных элементов, большое разнообразие маргинальных контактов и форм «обтекания» иноэтнических групп и даже целых этнических массивов, миграционные перемещения, характерные для всей известной нам истории восточных славян, и другие подобные факты и обстоятельства чрезвычайно усложнили процесс выработки традиционных форм культуры восточных славян.

Раннее государственное объединение и рано начавшийся процесс выработки общерусских, общеукраинских и общеполорусских черт и одновременно черт, общих для всех трех восточнославянских народов, парадоксальным образом сочетались с удивительной устойчивостью и многообразием локальных форм, вариантов и особенностей. Поэтому можно без преувеличения сказать, что если бы этнографического, лингвистического и фольклористического картографирования не существовало, его пришлось бы специально создать для изучения восточных славян и особенно русских — самого многочисленного и наиболее широко расселенного восточнославянского народа.

Опыт картографирования элементов и комплексов материальной культуры, так же как и опыт картографирования диалектов, показывает, что соотношение границ ареалов явлений различного порядка и уровня очень сложно и подчас неожиданно. Они зачастую не совпадают с границами расселения отдельных народов и их подразделений. Так, например, ареал дома с так называемой севернорусской планировкой охватывает территорию расселения коми, карел, вепсов, мордвы-эрзи, марийцев, води, ижоры и финнов Ленинградской области; с так называемой западнорусской планировкой — белорусов, украинцев, латышей Латгалии, литовцев Восточной Литвы, эстонцев-сету.

Обряд колядования распространен на обширной территории как славянских, так и неславянских народов (греки, албанцы, румыны, народы Прибалтики, некоторые народы Поволжья и т. д.). Это обстоятельство заставляет перейти от картографирования элементов культуры отдельных народов, широко известного в международной этнографии, к составлению региональных атласов, охватывающих целые историко-этнографические области, и в конечном счете — к атласу общеевропейскому.

---

¹³ См.: Л. М. Сабурова. По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований». — СЭ, 1967, № 6.

Очевидно, работа над такого рода атласами еще раз поставит вопрос, в разрешении которого в равной степени заинтересованы и лингвисты, и этнографы, и фольклористы, — о типах, формах и закономерностях соотношения языковых границ и ареалов отдельных элементов и комплексов традиционной культуры (или, точнее, — бытовых форм культуры) в различных социально-экономических и этнокультурных ситуациях.

Фольклор в этом смысле занимает как бы промежуточное положение между материальной культурой и языком, так как он является совокупностью специфических форм духовной культуры, связанных с языком и функционирующих в бытовой сфере. Так, например, характерно, что обряды и обрядовый фольклор славянских народов включают в свою структуру как элементы общеславянского характера, обусловленные генетическим родством этих народов и непрерывностью их языковой традиции, так и элементы, бытующие у их соседей по той или иной историко-этнографической области. Например, свадебные причитания русских ближе к причитаниям карел, коми, мордвы, чем к соответствующим формам обрядового фольклора чехов и словаков. В то же время несомненна общность не только образной системы свадебной песни славян, но и обрядов, составляющих свадебный ритуал (например, расставание с символом девичества, соединение рук жениха и невесты платком или другим способом, приобщение к очагу или вообще к дому жениха, провожание молодых на постель и т. д.).¹⁴

Можно ожидать, что так же, как при картографировании элементов материальной культуры, и, вероятно, даже еще в большей мере при картографировании обрядовых и фольклорных элементов обнаружится, что резкие и отчетливые границы распространения отдельных явлений перемежаются переходными зонами и так называемыми зонами вибрации, которые отразят реальную сложность связей и взаимоотношений между отдельными группами населения, этнографическими группами или целыми народами. Так, картографирование поэтических метафор в песнях балканских народов, осуществленное немецким славистом К. Поллоком, продемонстрировало, что развитие поэтических фигур этого типа на Балканах не было однолинейным и однозначным в этническом смысле.¹⁵

¹⁴ Ср.: J. Pirrek. Slawische Brautwerbungs- und Hochzeitsgebräuche. Stuttgart, 1914; Хр. В а к а р е л с к и. Свадебната песен. Мястото и службата и в свадбени обряд. — Известия на Народния етнографски музей в София, т. XIII, 1939; Ф. К. В о л к о в. Сватбарските обреди на славянските народи. — Сборник за пародии умотворения, наука и книжнина, кн. III—IV, 1891—1892; E. S c h n e e w e i s. Fest- und Volksbräuche der Sorben vergleichend dargestellt. Berlin, 1953.

¹⁵ К. Н. П о л л о к. Studien zur Poetik und Komposition des balkan-slawischen lyrischen Volksliedes. Bd I. Das Liebeslied. Göttingen, 1965 (в серии «Opera Slavica», v. 5). — Не все объяснения ареалов отдельных явлений, предложенные К. Поллоком, в равной степени убедительны, но реальные достижения исследователя бесспорны — зарегистрированы важные для истории этого фольклорного жанра факты и выявлены их ареалы.

Ценность картографического метода для изучения обрядов и обрядового фольклора не подлежит сомнению. Вместе с тем очевидно, что исследователей, вступающих на этот путь, ожидают значительные трудности как методического, так и практического характера.

Восточнославянский сектор Института этнографии АН СССР в сотрудничестве с фольклористами института и фольклористами и этнографами других учреждений РСФСР предполагает в ближайшие годы осуществить картографирование некоторых русских народных обрядов и обрядового фольклора. При этом намечено начать с картографирования свадебного обряда и свадебного фольклора. Это диктуется как методическими соображениями, так и современным состоянием источников.

Оценка состояния источников, помимо всего прочего, зависит от избранной густоты сетки. Известно, что на этот счет у этнографов и диалектологов в различных европейских странах существует разное мнение. Немецкая магбургская школа (Ф. Вреде, Т. Фрингс) настаивала на максимально густой сетке, при которой охватывается по возможности каждое селение. Французская школа (Ж. Жильерон, Э. Эдмон и их последователи) принимала за основу более разреженную сетку, предполагая при этом, что некоторая «грубость» ее является своеобразным способом если не обобщения, то по крайней мере устранения случайностей и незакономерных отклонений. Польские этнографы, работающие над национальным историко-этнографическим атласом, придерживаются сетки 5×5 км, разделив всю территорию на квадраты и выбирая при этом в каждом квадрате одно, наиболее характерное селение.

В Советском Союзе нет единообразного решения этой проблемы для диалектологических и этнографических атласов. Если диалектологи стремятся к максимально плотной сетке, то в вышедшем томе историко-этнографического атласа «Русские» выбрана так называемая «поуездная» сетка, т. е. территориальной единицей картографирования является уезд — старая российская административная единица второго порядка.¹⁶

Видимо, каждое из перечисленных выше решений может иметь свои положительные и отрицательные последствия. При обсуждении этого вопроса следует учитывать не только отвлеченно теоретические, но и ситуативные доводы. Так, например, не могут не иметь значения размеры территории, на которой расселилась изучаемая этническая общность (или размеры избранного историко-этнографического района). Очевидно, не может быть одинакового решения для голландцев и русских, австрийцев и народов Индии.

Отдельные листы атласа должны быть реально сопоставимы; карт, объединенных одним сюжетом, не должно быть чрезмерно много — это неизбежно привело бы к необходимости сведения,

---

¹⁶ Подробное обоснование этого выбора см. в статьях, перечисленных в прим. 6.

обобщения карт, или, иначе говоря, рекартографированию. При этом неясно: удастся ли доказать, что первичная карта будет по-прежнему нужна, и, кроме того, каждый ли раз она будет содержать достаточно выразительные противопоставления?

Любой выпуск атласа должен быть подготовлен в какой-то реальный срок. Если же выбрать для русских максимально густую сетку, то картографирование неизбежно растянется на многие десятилетия и выполненные карты могут потерять свой смысл, морально устареть раньше, чем они будут закончены.

И, наконец, один из самых важных доводов. Картографирование должно базироваться на фактах, которые покажут живую жизнь изучаемого обряда в избранный исторический период и вместе с тем окажутся достаточно массовыми, способными охватить всю территорию без больших пробелов. Для периода с 40—50-х годов XIX до начала XX в., который фигурирует в вышедшем томе атласа «Русские», наиболее полные материалы существуют по свадебному обряду. Они имеют, так же как и описания явлений материальной культуры, главным образом «поуездный» характер.¹⁷

Эта проблема всесторонне обсуждалась при подготовке вышедшего тома атласа «Русские», и было принято вполне оправданное решение пойти вслед за материалом для того, чтобы использовать его с наибольшей пользой. Надо сказать, что и сейчас нет оснований пересматривать это решение. Сетка должна остаться «поуездной».

Кроме того, свадебный обряд дает возможность попытаться осуществить идею комплексного картографирования, которая, по нашему представлению, давно созрела в современной этнографии.

В вышедшем томе атласа «Русские» картографирование элементов или комплексов материальной культуры в некоторых (к сожалению, редких) случаях сочетается с картографированием терминов, обозначающих эти явления (см. карту № 43 «Названия сарафана», № 50 «Названия женской нагрудной одежды» и др.). Подобные опыты представляют значительную ценность, но вместе с тем следует сказать, что по методу и результату они весьма сходны с картографированием лексики, которое практикуется в диалектологических атласах (см., например, белорусский диалектологический атлас, ДАБМ, содержащий довольно много карт

---

¹⁷ Следует так же, как при подготовке изданного тома, тщательно продумать систему коррекции, которая позволит не упрощать и объединять, а обобщать эмпирические материалы (например, при помощи введения качественной оценки их — нанесения на площадь уезда двух—трех значков, которые покажут одновременно и сосуществование в ее пределах двух—трех различных типов или форм явления, и их количественное соотношение) и, с другой стороны, их историческую динамику (путем создания сравнимых карт распространения одних и тех же явлений в различные отрезки времени — например 40—50-е годы XIX в., 70—80-е годы XIX в., начало XX в.); см.: М. Г. Рабинович. К методике этнографического картографирования.— Наст. сб., с. 63—68.

подобного рода).¹⁸ Именно на почве сопоставительного картографирования отдельных слов и соответствующих им вещей (*Wörter und Sachen*) возникли многочисленные зарубежные (особенно французские) региональные лингвоэтнографические атласы.¹⁹ Вместе с тем можно отметить и существенное отличие. Для этнографии представляю интерес, как правило, не фонетические и не морфологические, а лексические варианты терминов, так как именно они свидетельствуют о межэтнических связях и отношениях.

Свадебный обряд открывает еще более интересную перспективу. Он дает возможность сопоставления трех (и даже четырех) рядов явлений, различных по своей природе, но функционально объединенных в единой структуре обряда — элементов материальной культуры (свадебная одежда, ритуальная пища, атрибуты участников свадеб), обрядовых действий (или ритуального поведения участников свадьбы), обрядового фольклора, т. е. речевого поведения в его словесном и музыкальном выражении. Сложность проблемы заключается в том, что каждый из этих «рядов» имеет свои закономерности — генетические, динамические, функциональные, свой темп распространения, свою меру проницаемости для иноэтнических явлений и т. д.

Возникает вопрос: на какой же опыт мы можем опереться, приступая к столь сложному начинанию?

Карты, так или иначе связанные со свадебным обрядом, есть во многих этнографических и этнолингвистических атласах (немецком, австрийском, швейцарском, французском и др.). Были они уже и в известном томе «От колыбели до могилы» А. Ван-Геннепа (т. II — *Manuel de folklore français*), где они иллюстрировали мысль автора о соотношении региональных и локальных отличий, и в лингвистическом атласе Ж. Жильерона и Э. Эдмона (ALF, № 563).

И все же накопленный опыт, к сожалению, сравнительно мал и односторонен. Прежде всего, на наш взгляд, следует думать не о создании отдельных карт по случайным и разрозненным элементам свадебного обряда, а о продуманной системе сопоставимых карт. Что же мы находим в существующих атласах?

Приведем некоторые примеры. В трех выпусках австрийского атласа только один раз встречается тема, связанная со свадебным обрядом — карта № 32 из II выпуска («*Bevorzugte Wochentag*», т. е. «в какой день недели принято справлять свадьбу»)²⁰ В немецком атласе («*Neue Folge*») четыре карты связаны со свадебным

---

¹⁸ Ярко выраженным терминологическим является трехтомный Атлас сербо-лужицкого языка (SSA).

¹⁹ См., например: ALLy, ALG, ALMC, AIS, AJM, JAVUNГЗ. — Дальнейшие библиографические указания см.: Т. Н. Мельникова и Н. Л. Сухачев. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Аннотированный каталог. Л., 1971 (ротапринт).

²⁰ *Österreichischer Volkskundeatlas* herausgegeben von E. Burgstaller und A. Helbok; Lief. II. R. Wolfram, E. Lendl und J. Kretschmer, Wien, 1965.

обрядом — № 5 «Наличие свата и его названия», № 6 «Личность свата» (т. е. родственное отношение свата к жениху) и №№ 7 и 8 «Плата за сватовство» (название и форма).²¹ Таким образом, и в этом случае перед нами группа карт, так или иначе связанных со свадебным обрядом, однако касается она только одной произвольно выбранной темы — «сватовство» или даже, точнее, «сват».

В каждом выпуске швейцарского атласа также бессистемно предлагаются результаты картографирования тех или иных элементов материальной и духовной культуры, обрядов, социальной организации и т. д.²² Судя по имеющимся программам, более систематическим и продуманным, и в этом смысле обещают быть соответствующие разделы польского, венгерского и словацкого атласов.²³ Однако в вышедших выпусках и свадебный обряд еще не представлен.

Необходимо продолжать изучение, обобщение и обсуждение международного опыта картографирования обрядов и особенно свадебного.²⁴ После усвоения и критической переработки опыта картографирования элементов материальной культуры советскими этнографами, опыта картографирования, накопленного диалектологами, и особенно международного опыта картографирования обрядов предстоит перейти к составлению программы сбора материала и предварительного списка карт. Это весьма ответственный этап.

Известно, что картографирование является методом выяснения определенных противопоставлений в их географическом распределении. Так, обычно на одну карту наносятся данные, отмечающие наличие или отсутствие какого-либо характерного явления, либо локальное распространение вариантов сходных форм или типов. Иными словами, карта может быть построена по принципу «да/нет» (наличие/отсутствие), но только в том случае, если в районе, который отмечается значками (штриховкой, заливкой, изолинией

---

²¹ Atlas der deutschen Volkskunde. Neue Folge. Bd. I, Magdeburg, 1959—1964.

²² Atlas der Schweizerischen Volkskunde. Herausgegeben v. P. Geiger und R. Weiss, I—II (Lief 1—5). Zurich, 1951 ff.

²³ См., например: Etnograficky atlas slovenska. Projekta dotaznik. Diel B. Dotaznik III. Otázky 130—170; Slovensky folklor. Tanec. Hudba a hudobne nastroje. Zvyky, viera vedomosti. Bratislava, 1970, с. 147—151 (авторы раздела «Svadba» — S. Duzek, E. Howathova).

²⁴ Современные теоретические обобщения опыта этнографического картографирования см.: R. Weiss. Einführung in den Atlas der Schweizerischen Volkskunde, 1950; A. Bach. Deutsche Volkskunde. Heidelberg, 1960, (с. 88—89; 315—343); J. Barabas. Kartografiai modszer a neprajban. Budapest, 1963; T. Wróblewski. Wspolne elementy w ludowych kulturach środkowej Europy. Poznan, 1964 («Środkowa Europa w atlasach etnograficznych», с. 227—244); J. Kretschmer. Die thematische Karte als wissenschaftliche Aussageform der Volkskunde. Bad Godesberg, 1965; M. Sarmela. Kansankultuurin Kartoituksesta. — Viritäjä, 1965, № 5, с. 255—279 и др.

и т. д.), действительно нет равноценного (пусть и имеющего какие-то отличительные свойства или черты) явления. Так, а priori можно сказать, что могли бы быть созданы, например, такие карты, связанные со славянскими свадебными обрядами: наличие обрядов со свиной головой или их отсутствие, брачные посещения женихом невесты после сговора и до дня свадьбы или их запрет, форма «курника» — пирог с яйцом или «рыбник», так называемые «каравайный» или «столбовой обряд» и т. д.²⁵

Разумеется, все эти предположения требуют практической проверки — картографирования. В процессе накопления опыта должен постепенно проясняться и наиболее сложный методический вопрос — какие именно отличия следует противопоставлять и какова допустимая мера сходства явлений, которые могут считаться равноценными. Сложность его связана с тем, что свадебное действие представляет собой многофункциональный ритуал. Он является традиционной формой санкционирования брака коллективом родственников или общиной, фиксирует породнение семей («родов») невесты и жениха, переход невесты и жениха в другие половозрастные группы, переход невесты в семью жениха, должен обеспечить физиологическую сторону брака при помощи системы оберегов, карпогонических обрядов, стимулирующих плодородие молодых, и т. д., и т. п. Для осуществления всех этих и других функций, которые еще предстоит изучить, многовековая традиция выработала сложную систему магических, демонстративных, символических, игровых и других средств и способов (форм).

В принципе ясно, что противопоставляться должны изофункциональные, т. е. взаимозаменяемые (имеющие равное или примерно равное назначение) явления или формы. Однако очевидно и то, что практически придется столкнуться с целым рядом трудностей и прежде всего с полифункциональностью отдельных обрядовых действий. Так, например, обрядовое подметание избы невестой после первой брачной ночи имело явно одновременно и магический, и демонстративный, и игровой характер. Столь же сложную в функциональном смысле структуру имел, например, и обычай «греть постель» молодым, их совместное поедание яичницы и многие другие обрядовые действия.

Очевидно, неверно было бы наносить на одну карту, скажем, «колупание невестой печки» и «прыгание в поневу», так как первое действие означало приобщение невесты к очагу новой семьи, а второе — переход в половозрастную группу молодых. И, наобо-

---

²⁵ Впрочем, противопоставление «каравайный» — «столбовой» обряд, предложенное (или, вернее, разработанное) Н. М. Никольским (Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956, с. 143—257), оспаривается некоторыми белорусскими этнографами (см.: М. Г. Гринблат. Белорусы. Минск, 1968, с. 278—280; А. М. Міцкевіч. Сямейная абрадаі беларускага народа. Мінск, 1966, с. 140). — Решить этот вопрос можно не логическими доводами или ссылками на отдельные описания обряда, а только тщательным картографированием.

рот, по-видимому, возможно противопоставление: «прыгание в по-неву» / «одевание кокошника» или, например, прощание с «красотой» (ленточка, «коруна») / обряды с «гильцем». Однако рядом с этими обрядами окажется сходный по функции обряд «расплетения косы».²⁶

Не менее сложна и остра проблема допустимости или недопустимости относительной оценки элементов. Известно, что в лингвистической географии существует представление об относительной равноценности всех фактов, которые могли бы быть подвергнуты картографированию. Этнографы же отвечают на этот вопрос различно.

Так, П. И. Кушнер, очень много сделавший для разработки методики этнографического картографирования, в статье «Какое изображение мы видим на луне?» настаивал на том, что картографированию подлежат только существенные, важные, основные элементы народной культуры.²⁷ Современный теоретик этнографического картографирования венгерский этнограф Й. Барабаш держится противоположной точки зрения — опыт картографирования, по его мнению, приводит к выводу, что наиболее выразительные этнологические результаты дает подчас именно картографирование второстепенных и даже третьестепенных элементов.²⁸

Не будем подробно рассматривать доводы той и другой стороны. Отметим только, что если в комплексах материальной культуры все-таки удастся выделить наиболее важные, определяющие черты и именно их и положить в основу типологии,²⁹ то для явлений духовной культуры, в том числе и обрядов, проблема эта усложняется целым рядом обстоятельств. Мы уже говорили о том, что не только отдельные обрядовые (и фольклорно-обрядовые) формы, но даже и тип обряда не определяются непосредственно социально-экономическими или географическими условиями. По сравнению с большинством форм материальной культуры формы обряда возникают и развиваются относительно независимо и самостоятельно. Обряд в определенных социальных условиях мог существовать или не существовать, быть развитым и развернутым или редуцированным, однако его конкретные формы и особенности складывались подчас довольно причудливо и зависели в большей мере от этнической

---

²⁶ Аналогичные соображения в применении к календарным обрядам см.: П. Г. Б о г а т ы р е в. Магические действия, обряды и верования Закарпатья. — В кн.: Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 167—296; Д. К. З е л е н и н. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. — СЭ, 1934, № 5, с. 6.

²⁷ П. И. К у ш н е р. Какое изображение мы видим на луне? Об атласе немецкого народоведения. — СЭ, 1953, № 3, с. 225—229.

²⁸ J. B a r a b a s. Kartografiai modezer a neprajzban. Budapest, 1963.

²⁹ Так, например, важнейшими показателями, определяющими комплексы жилых построек восточных славян, считаются: план (и для плана — положение устья печи по отношению к входу в избу), вертикальное развитие и тип связи жилых и хозяйственных построек, образующих крестьянский двор.

или локальной традиции, которая могла развиваться в относительно большом числе вариантов, образованных за счет различных сочетаний ритуальных, фольклорных, музыкальных, хореографических и других элементов. Именно сложность, комплексность структуры свадебного обряда и его многофункциональность, по-видимому, не дают возможности выделить «важные» и «не важные», «главные» и «второстепенные» моменты. По крайней мере, нельзя утверждать заранее, что какая-либо черта обряда, которая будет признана особенно важной для его содержания, окажется одновременно и наиболее выразительной в этнодифференцирующем смысле или, иными словами, даст наиболее интересные результаты при картографировании.

Таким образом, надо иметь в виду, что предварительная оценка явлений с целью отбора их для картографирования должна строиться не на отвлеченных представлениях об их важности или второстепенности в синхронной структуре обряда, а на наблюдениях над их варьированием в различных районах расселения того или иного этноса или их различиях в сопоставляемых этнических средах. Вероятно, заранее можно только сказать, что картографированию безусловно не должны подвергаться те элементы, которые импровизируются в ходе исполнения обряда, т. е. являются более или менее случайными и индивидуализированными для того или иного состава участников (нестандартные приговоры дружки, нетрадиционные диалоги и т. д.).

И все же не все моменты обряда безусловно равноценны. Всякий обряд состоит из некоторого минимума абсолютно обязательных обрядовых действий, без совершения которых он не признается состоявшимся («обрядовый минимум»). Одновременно какие-то действия могут разворачиваться, усложняться, чем-то дополняться и т. д. Так, свадьба может в одной и той же местности играть три дня и больше недели, «девичник» может длиться два-три часа и занимать целый день. Совершенно очевидно, что «основные» действия, т. е. составные элементы обрядового минимума, не должны при картографировании противопоставляться дополнительным, наноситься с ними на одну карту. Однако, к сожалению, в имеющихся записях собиратели крайне редко выделяли основные действия — они могут быть установлены главным образом при помощи сравнительного изучения. Следовательно, это изучение необходимо предпринять.

Сложность картографирования свадебного обряда усугубляется еще одним обстоятельством. Поздняя история этого обряда была процессом скачкообразной редукции (сжатия, сокращения, стяжения) обрядовых элементов. Поэтому наличие или отсутствие того или иного элемента в позднем описании обряда какой-либо местности нельзя принимать за безусловное свидетельство локальных различий. Например, на позднем этапе истории свадебного обряда могло выпасть ритуальное причитывание, обязательность посады невесты и жениха на вывороченную шкуру или на квашню,

магический объезд свадебным поездом вокруг деревни, подмена и разыскивание невесты и т. п. и тем более выкупание постели, демонстрация рубахи невесты в послесвадебное утро и т. д.

Таким образом, выполнение важного теоретического пожелания противопоставлять при картографировании равноценные и изофункциональные элементы осложняется целым рядом обстоятельств — многофункциональностью обряда в целом и отдельных его составных частей, историческим сдвигом (динамикой) функций, локальным варьированием их толкований,³⁰ редукцией обряда в поздний период его существования, отсутствием четкого разграничения основных и дополнительных действий в имеющихся описаниях.

Для успешного картографирования свадебного обряда должна быть выработана соответствующая система критики источников. Сохранившиеся описания свадьбы отражают в подавляющем большинстве случаев не объективные изображения наблюдаемого, а передачу сведений, полученных от информаторов, которые пользовались как своими воспоминаниями о пережитых или виданных свадьбах, так и представлениями о том, как свадьба должна играть (или, точнее, должна, была играть). Значит ли это, что они не могут считаться достоверными?

Этнография заинтересована в максимально надежных первичных документах, однако предмет ее — не отдельные события, а типичные формы народного быта, осознающиеся средой, в которой они функционируют, как нормальные (в колебаниях от «идеальных» до «минимально допустимых»). В этом смысле воспроизведение обряда по воспоминаниям можно считать процессом типологизирующим, обобщающим традицию, которая выразилась в сумме свадеб, наблюдавшихся (или так или иначе «пережитых») информатором или, лучше, корректирующими друг друга информаторами. Разумеется, при этом сохраняет свое значение также проблема «отступления» от норм или нормы и практических условий ее реализации.

Записи, которые могут быть произведены и производятся в наше время, тоже, как правило, не могут отражать результаты прямого наблюдения традиционного свадебного обряда, но уже по иным причинам. В наше время собиратель обычно может наблюдать не исполнение традиционного обряда как целостной системы, а отдельных элементов, включенных в современное свадебное празднество. По крайней мере, так обстоит дело с русским свадебным обрядом в большинстве районов расселения русских. В то же время еще есть возможность собрать сведения о традиционной свадьбе по воспоминаниям старшего поколения, игравшего свои свадьбы с начала XX в. и до начала 30-х годов нашего столетия.

---

³⁰ Интересные наблюдения см.: П. Г. Богатырев. Магические действия, обряды и верования Закарпатья. — В кн.: Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 172.

Нынешнее состояние изучения источников позволяет предположить, что можно будет создать систему карт, отражающих бытование русского свадебного обряда, на два хронологических рубежа — 50—80-е годы XIX в. и первые десятилетия XX в. При окончательном решении этого вопроса надо будет учесть, что хронологические отрезки, к которым приурочиваются карты, должны быть достаточно протяженными — иначе постоянно будет нехватать сопоставимого материала, охватывающего всю территорию расселения русских (на первом этапе — европейской части СССР). Традиционность свадебного ритуала и его коллективный характер обуславливали относительную медленность его эволюции для каждой отдельно взятой местности (деревни, группы деревень). Поэтому сопоставление элементов обряда, зафиксированных с хронологическим разрывом в 20—30 лет, представляется вполне допустимым.

Подчеркнем еще раз, что осуществление «синхронного среза», т. е. единовременного отражения современного состояния, на котором настаивают обычно диалектологи и социологи, вполне осуществимо для современных обрядов. Однако материал, который мы получили бы таким путем, будет недостаточно интересен для картографирования. Современные бытовые явления, функционально заменяющие традиционный свадебный ритуал, не отличаются в большинстве русских областей пространственной дифференциацией, сложившейся исторически. Поэтому они должны изучаться другими способами и методами.

Таким образом, проблема, которую мы затронули в этой статье, в достаточной мере сложна, но в то же время весьма увлекательна; разработка ее обещает значительные результаты, очень важные как для этнографии, так и для фольклористики.

Т. В. НАЗАРОВА

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ДИАЛЕКТНЫХ АРЕАЛОВ

Теоретическое осмысление проблем лингвистического картографирования, отражающее и направленность общелингвистических концепций, и уровень технического оснащения картографических средств, позволяет выдвинуть некоторые аргументы в пользу определенной автономности лингвистической географии среди других лингвистических дисциплин.¹ П е р в о й п р е д п о с ы л к о й понимания лингвистической географии как самостоятельной дисциплины со своим объектом изучения и методами исследования, как кажется, должно явиться разграничение понятия пространственного (территориального) выражения лингви-

---

¹ См., например: М. А. Б о р о д и н а. Лингвистическая география и диалектология. Опыт разграничения лингвистических дисциплин. — In: Omagiu lui Alexandru Rosetti. București, 1965, с. 81.